

ИНЫЕ ЖАНРЫ...

Аполлинарий ПОЛИКАРПОВ

ЛОРЕЛЕЯ, ИЛИ ГДЕ СОБАКА ЗАРЫТА

К ИСТОРИИ ПЛЕНИТЕЛЬНОГО МИФА

В четвертом номере журнала «Зарубежные записки» за 2005 год напечатано стихотворение Генриха Гейне «Ich weiß nicht, was soll es bedeuten...», более известное под названием «Лорелея». Приведенное на языке оригинала, оно призвано способствовать углублению дальнейшего знакомства современного русскоязычного читателя-эмигранта с великими достижениями европейской классики. К сожалению, рубрика, в которой приводится стихотворение, не предусматривает наличия справочного аппарата, который помог бы более глубокому пониманию публикуемых текстов. Настоящую заметку можно отнести к скромной попытке хоть в некоторой мере восполнить очевидный пробел.

К сожалению, немецкая классическая филология не приложила в свое время достаточных усилий, чтобы найти объяснение ряду неясных мотивов в пленительном мифе о русалке. В первую очередь это относится к самому названию. Ориентируясь на старинные варианты местного наречия, ученые свели происхождение слова *Lorelei* к незамысловатому образованию из *Lure* и *Lei*, что соответственно означает русалка и утес. Правомочность данной этимологической гипотезы несомненна, хотя сам факт неподкрепленной фундаментальными исследованиями трансформации *Lure* в *Lore* не может не вызывать настороженности у пытливого оппонента. Именно поэтому с незапамятных времен *луристам* (от *Lure*) противостоят *лористы*, принимающие за очевидное, что в основе исследуемого слова лежит женское имя Лора (*Lore*). С другой стороны, исчерпывают ли обе эти гипотезы суть исследуемого вопроса?

Одной из примечательных попыток прорыва в данном направлении стала недавно дебатировавшаяся идея, внесшая в палитру традиционного толкования слова *Lorelei* новые краски. Согласно ей, в исследуемом слове изначально лежало *Lore* (не путать с *Lure!*), восходящее, однако, не к женскому имени, а к сугубо техническому понятию, обозначающему вагонетку (от англ.: *Lorry*), использовавшуюся при горных строительных работах. Какой смысл, однако, вкладывают приверженцы такого толкования (их называют в научных кругах *антилористы-антилуристы* или сокращенно *анти-анти*) в свою гипотезу?

Оказывается, она выражает вековые чаяния семей пострадавших и ушедших на дно Рейна матросов о борьбе с проклятым утесом. Срезать выступ, о который разбились сотни речных судов, прорыть через утес канал, любым способом взять власть над проклятым местом, снести, наконец, утес вовсе и построить на этом месте город-сад — вот о чем, оказывается, мечтали плачущие матери и вдовы, дети-сироты и те немногие матросы-речники, кому удалось чудом выплыть во время очередного кораблекрушения.

Эмоциональная сила доказательств *анти-анти* бывает подчас столь действенна, что на открытых дебатах в научных залах даже наиболее последовательные их противники не всегда могут сдержать наворачивающиеся на глаза слезы. «Мне теперь всегда будет сниться этот сад, — поведал автору этих строк один из авторитетных приверженцев *луристской* школы, стареющий академик N., — но я никогда не соглашусь признать научную правоту *анти-анти*».

Мы же, со своей стороны, не можем согласиться с крикливым мнением одной из недавних публикаций, будто позиция *анти-анти* «не только противоречит известной легенде, но и разрушает ее». На наш взгляд, она именно дополняет ее, органично подкрепляя идею страдания, скорби и безнадежности окрыленной мечтой о борьбе. Город-сад, который должны орошать мутные воды Рейна, — не это ли поистине благородное развитие мифа о русалке? Миф, рождающий миф.

Смерть и отчаяние, вызывающие новый порыв к жизни. Все это — характерные черты мифологического мышления практически любого народа.

Но именно захлестывающие эмоции, как нередко бывает, мешают внести ясность в дискуссию. Для автора этих строк представляется очевидной правота всех сторон. Правота, но не полнота взглядов! В запале полемики оппоненты забывают, что каждый спорит о своем предмете, но не об общем. Одни доказывают присутствие в словообразовании *Lorelei* женского имени *Lore*, подразумевая при этом не сам мыс, а **имя героини мифа**. Другие сводят свои построения именно к происхождению **названия утеса**. Простое допущение, что **имя и название**, несмотря на их однозвучие, могут иметь разные этимологические версии и, попросту говоря, представлять два разных слова (в одном случае речь идет о русалке, в другом об утесе), не было, к сожалению, до сих пор принято во внимание.

Кроме того, борьба *лористов*, *луристов* и *анти-анти* отвлекла в последние годы внимание ученых от собственно научных задач. Отдавая дань достижениям существующих школ, автор этих строк видит одним из перспективных путей дальнейшего развития исследований знаменитого мифа разработку нового направления, которое он бы решился назвать *лаизмом*.

Обратим внимание читателя, что слово *Lorelei* применительно к русалке изначально имело иное написание. Ранняя (до Гейне) литературная обработка легенды, а именно известная баллада, выполненная в 1801 году писателем-романтиком Клеменсом Брентано, озаглавлена «Lore Lay». Вспомним также, что во всех традиционных трактовках русалка *Lorelei* изображается не исполненной коварства дамой, а прекрасной и грустной девушкой, обреченной на свое пагубное предназначение. Она не вольна в своих поступках и несчастна. Это особенно тонко чувствовал и сумел передать в своих грустных строфах Генрих Гейне.

Теоретикам мифотворчества известно, что большинство народных мифов сложилось в процессе сплавления двух-трех (а то и больше) легенд. Отлившись в колосс мифа, некоторые из этих корневых структур полностью растворились в нем. Речь идет о так называемом сакрализованном механизме становления мифа, когда отдельные легенды-доноры полностью теряют свою самостоятельную изначальную ценность и оказываются забыты народным сознанием, а в нередких случаях и навсегда потеряны. Попытки ремифологизации, то есть вычленения и восстановления утраченных корневых структур, требуют не только тончайшего научного инструментария, но и исключительной корректности и чуткости самого исследователя. С этих позиций автор настоящей публикации и подошел к дальнейшему изучению знаменитого мифа о русалке. Оставляя в стороне громоздкое и затруднительное для непосвященного читателя научное описание исследований, он готов поделиться неожиданными на первый взгляд, но вполне логичными и корректными с научной точки зрения результатами.

Что же удалось увидеть автору в окуляре, так сказать, его научного инструментария? Собаку! Одинокую, тощего, голодного, шелудивого и озлобленного пса, бредущего по долине Рейна. Утерянное народное сказание о несчастном животном и оказалось одной из легенд-доноров мифа о русалке.

То немногое, что методом экстраполяции удалось воссоздать в этой истории, сводится к следующему. Пес был бездомным и имел кличку «Lay». Он прибывался к той или иной речной пристани на Рейне и везде терпел побои и издевательства от речников и грузчиков. Обглоданная, брошенная в насмешку кость и лужица дождевой воды были его будничным пропитанием. Не знавший ни ласки, ни людского сострадания, Лай довольно быстро одичал, озлобился и молил известных ему богов о мести. Когда он был уже совсем стар и немощен, его заметила и пожалела дочь трактирщика — юное и благородное создание по имени Лора (*Lore*). Девушка приютила бедного пса в одной из построек хозяйственного двора, заботливо ухаживала за ним, приносила лакомую еду, но дни Лая были уже сочтены.

И чем же отплатила Лоре судьба за ее доброе сердце? После смерти Лая его искалеченная душа сумела проникнуть в робкую душу девочки и направить несчастное создание на тропу мести. В один из ненастных дней Лора навсегда исчезла из родительского дома. В ту же ночь речное судно, вывозившее партию рейнского вина, потеряло управление и сильным течением было выброшено на находившийся в трехстах метрах от трактира резко выдающийся в реку утес. С тех пор, по утверждению местных жителей, вечерами над водой можно было слышать

девичий плач или грустные песни. Многие отчаянные головы бросались в реку, чтобы увидеть поющую красавицу или помочь несчастной девушке. Никто из них не вернулся на берег. Капитаны воздерживались в непогоду приближаться к злополучному утесу, но те из них, кто по каким-то причинам вынужден был подвергнуть себя риску, почти всякий раз теряли судно, товар и добрую половину команды.

Так, в свете новооткрытого предания, становится объяснимым то сочувствие, которым народное сознание наделило русалку. Добрая и трогательная девушка, превратившись в Lore Lay, не только невольно стала орудием возмездия, но и оказалась обречена на вечную тоску.

Особый интерес для русского читателя представляет тот неожиданный факт, что в рейнской легенде нам удалось обнаружить восточнославянские следы. Уже сама кличка Лай не может не вызвать интуитивного чувства присутствия в древнем сказании славянского начала. Это и заставило нас обратиться к солидным трудам по истории формирования германских прозвищ и кличек домашних животных. Однако сведений, позволяющих прояснить происхождение клички Лай, найти не удалось. Каково же было изумление автора этих строк, когда ему в руки попал манускрипт покойного ученого Лапы-Данилова¹, чудом сохранившийся в архивах бывшего КГБ. Лапа-Данилов, насколько нам известно, никогда не был в числе преследовавшихся лиц. Однако в 1935 году его статья была изъята из «Этнографического вестника» и пролежала в архивах КГБ до недавнего времени. Что же скрывали «компетентные органы» в течение десятилетий?

В одном из народных сказаний, записанном монахом Белозерского монастыря, рассказывается о богатыре, ставшим в своем роде прещественником Петра Великого. Богатырь по имени Садко (не путать с гусяром, певцом и гулякой — героем новгородской былины!), выросший на просторах русского Севера, с детства вынашивал мечту проплыть по всем существующим морям и рекам, познать мудрости мореплавания, языкознания, инородного земледелия и чужеземных ремесел. Нет необходимости пересказывать удивительные странствия Садко, тем более что работа Лапы-Данилова уже подготовлена к печати. Остановимся лишь на интересующем нас «рейнском» эпизоде его путешествия.

Неизменным спутником Садко в его скитаниях был верный пес, первоначальная кличка которого навсегда потеряна для истории. На Рейн Садко прибыл в конце лета, и тут ему удалось почти сразу устроиться сборщиком винограда. Судя по всему, пес был утомлен путешествием, тосковал по родному русскому Северу, обглоданным кустам и мерзлой морошке и нередко скулил у ног хозяина. «Не лай!» — строго покрикивал на него ни в чем не знавший усталости и разочарования Садко. «Лай, лай!» — подтрунивали над обоими добродушные немцы, узнавшие со слов Садко значение этого слова.

Когда кончился сезон сбора винограда, Садко нанялся на борт речного судна, чтобы постичь опыт навигации и добраться до Голландии, где он надеялся осуществить свою самую заветную мечту — попасть плотником на корабельную верфь². В момент отплытия он не нашел рядом с

¹ К сожалению, имя это почти стерлось в истории советской науки. Лапа-Данилов был внебрачным сыном академика-историка Лаппо-Данилевского; известно, что он держался в научных кругах скромно и неприязнательно. Это привело к тому, что его труды подчас приписываются его брату математику Лаппо-Данилевскому. Еще более курьезный случай произошел на кафедре одного из новоявленных российских университетов, где молодой диссертант пытался доказать, что под псевдонимом Лапа-Данилов пробовали на досуге свои силы в этнографии и лингвистике представители металлургии и географии брата Грумм и Гржимайло (так у диссертанта!).

² Именно это обстоятельство и сыграло роковую роль в судьбе рукописи Лапы-Данилова (не путать с Грумм-Гжимайло!). Советская власть с распростертыми объятьями готова была приветствовать появление на историческом горизонте забытого русского самородка. Но когда сведения довели до Сталина, он сухо кашлянул и заметил вскользь, что русская история уже знает народного героя по имени Садко. Материалы исследователя были тут же арестованы. Есть основания полагать, что Сталин не мог допустить самой мысли о том, чтобы неординарность личности Петра Великого была бы хоть малейшим образом подвергута сомнению появлением какого бы то ни было народного прещественника. Петр должен был оставаться единственным в своем роде, что укрепляло веру в роль личности в истории, исключительность и незаменимость больших фигур и тем утверждало пиетет самого коммунистического вождя.

собой четвероногого спутника. Была ли это чья-то злая шутка или сыграло здесь роль неудачное стечение обстоятельств, нам остается только предполагать. Как бы то ни было, Садко в одиночестве продолжил путешествие, а на долю бедного пса выпала уже известная нам судьба. «Лай!» — продолжали дразнить его немецкие обыватели, и это слово быстро превратилось в его кличку.

Но достаточно ли оснований, чтобы связать историю «русского Лая» с собакой Lay, фигурирующей в легенде о русалке? В любом случае, приведенные здесь рассуждения являются на сегодняшний день единственной научно аргументированной платформой в изучении неизвестных до недавнего времени деталей пленительного мифа. И своеобразным подтверждением этому может служить тот факт, что ряд выступлений автора с докладами в современных рейнских провинциях имел неизменный успех. Так, например, конкурировавшие клубы собаководства стали сливаться в единое Общество любителей собак «Lay», на любительских и профессиональных подмостках появились новые драматургические интерпретации мифа о русалке, а в дошкольных учреждениях под девизом «Лора и Лай — наши друзья!» прошла серия детских праздников. Но, может быть, высшая оценка заслуг автора прозвучала в словах одной из жительниц городка Мюльдорф, эмигрантки из Житомира. Вырвавшиеся из глубины доброго сердца фразы, нескрываемое волнение и с трудом сдерживаемое рыдание — все это потрясло души присутствующих в зале. «Я простая женщина... на социале, — говорила она, по-народному прижимая руки к полной груди, — много читала и слышала. Но такого, должна признаться, я и представить себе не могла. Бедный Лай... И вдвойне несчастная Лора... Вы, может быть, и сами недооцениваете, насколько ваше исследование сблизило немецкий и русский народы. И как трогательно, что скромный советский человек Лапа-Данилов протянул свою ученую руку, чтобы пожать лапу затерявшемуся на чужбине псу-соотечественнику. Так пусть же и бедная девушка-русалка теперь навсегда сохранит для нас, русских граждан Германии, имя Лора Лаевна...»³

Впрочем, *лаизм*, как подлинно научное направление, разумеется, остается открытым для критики и плодотворной дискуссии.

Таковы в общих чертах утраченные некогда страницы мифа о Лорелее, и остается только выразить сожаление, что до сих пор они оставались скрыты как от специалистов, так и от широких масс интересующейся общественности.

Шумные споры вокруг *Lore, Lure, Lorry* на долгие времена, к сожалению, заглушили пробивавшийся к нам из глубины веков, короткий, жалостливый и отчаянный звук: «Lay».

*Аполлинарий Никанорович Поликарпов,
почетный председатель Рейнского общества имени Миклухо-Маклая⁴*

³ Примечательно, что в 1983 г. под впечатлением мифа о Лорелее скульптор русского происхождения кн. Н.А. Юсупова изваяла и подарила рейнцам бронзовую скульптуру (см.: Werner Schäfke. Der Rhein von Mainz bis Köln. Köln: DuMont Buschverlag, 1999. S. 310). Не великая ли интуиция истинно славянской души оказалась в данном случае стимулом благородного поступка?

⁴ Автор выражает горячую признательность не только тем, кто сумел по достоинству оценить его маленькое исследование, но и всем академическим и спонсорским институтам, а также отдельным лицам, которые содействовали успешному его развитию на различных этапах. Среди них: Храм русской литературы (Санкт-Петербург), Гёте-институт (мировая паутина), профессор Константин Остенбакен (Берег Слоновой Кости), доктор Кащенко (Россия, посмертно), фрау Шварц (Социалреферат Норд 2, Кобленц), госпожа Брокгауз и Эфрон (посмертно) и мн. др.